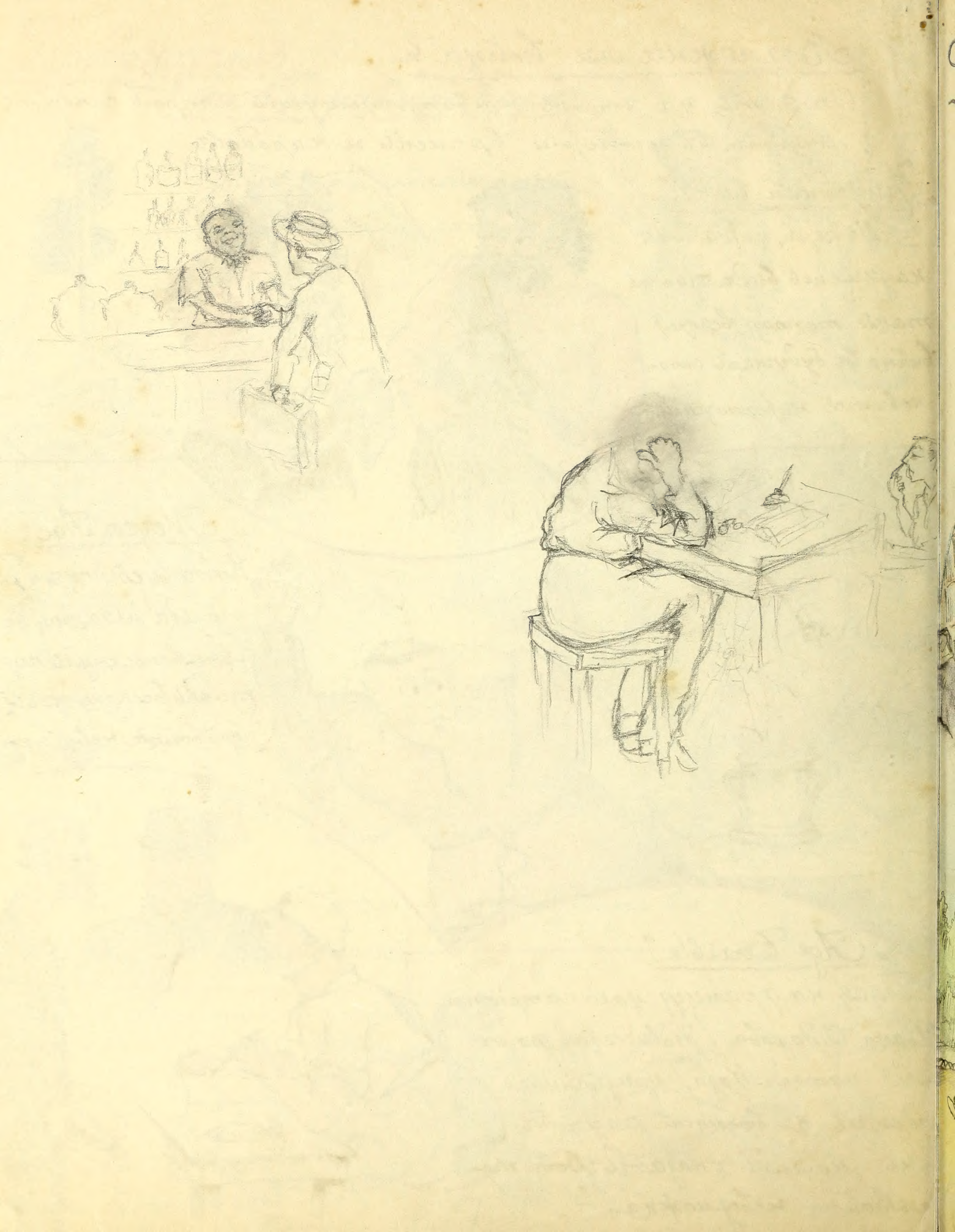
„MYOPHORUM."

ІЮЛЬ ~ 1935. ~ AOÛT.

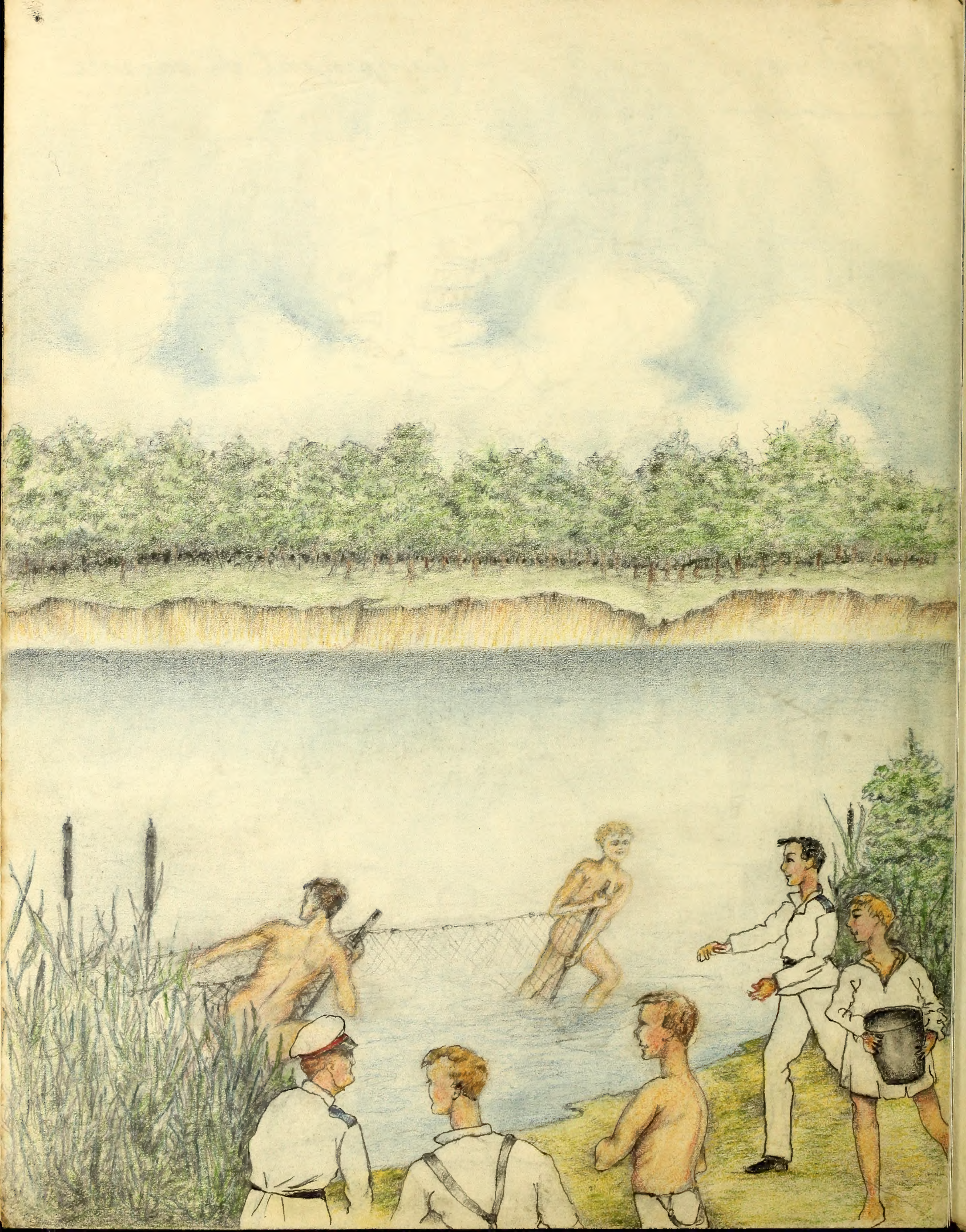

Предсказанія на ближайшее время.
ARIANA
60
50
40
30
20
10
0
Будетъ наблюдаться повышеніе температуры.
У „Comédie Française" объявится конкурентъ въ лицѣ „Comédie-Mégrinaise".
Редакція „Myophorium", въ полномъ составѣ, поспѣшитъ на „Дѣтскій Спектакль"... если ей будетъ извѣстенъ день таковаго.
Stop! Stop! Stop!


Возможна ли война?...
Отвѣтъ на этотъ животрепещущій вопросъ слѣдуетъ искать въ исторіи временъ и народовъ.
„Каменный вѣкъ".
– Теперь, когда мы научились выдѣлывать такіе топоры, всякая война въ будущемъ становится невозможной. –
„Moyen Âge".
Когда въ ступкѣ у Бертольда Шварца впервые вспыхнулъ порохъ, то онъ воскликнулъ: „Теперь война невозможна! –
„Âge Terrible".
Глядя на французскаго патріота Ивана Сидорова / дѣвическая фамилія матери – Коза /, признаннаго годнымъ къ военной службѣ, мы можемъ сказать: „Вотъ теперь война невозможна!" –

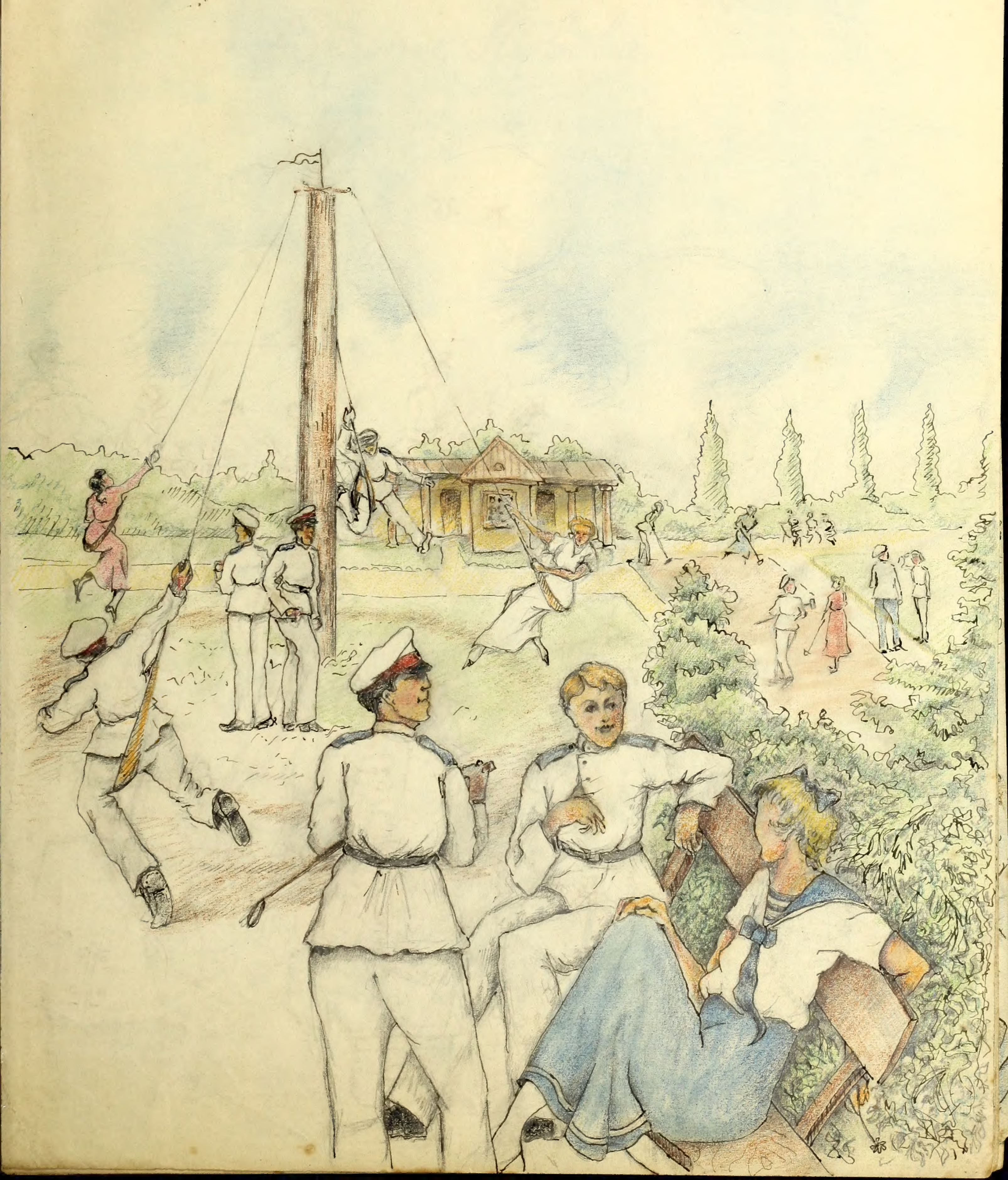




Кадеты.
Campement de vacance.
„Индѣйцы".
Италія.
Средиземное море
Алжиръ
Тунисъ
Трип
Devoire de vacance.



Кадетка. Campement de vacance.




Кадетъ.
Урокъ плаванія.

Августъ 1914.

Взятіе Львова.

(17 - 21 августа)

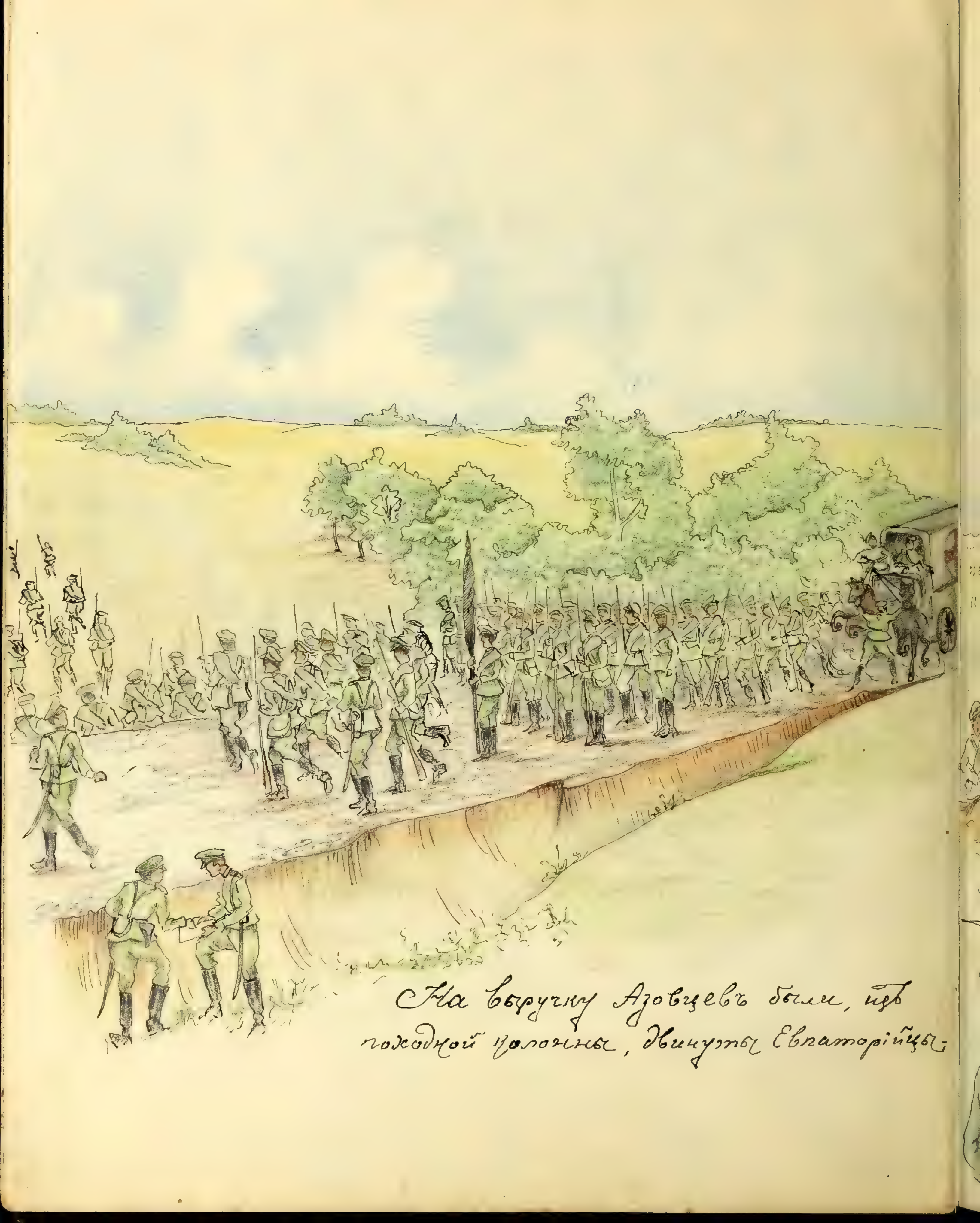
Въ ночь на 17 августа наши части проходятъ черезъ Стрый.

17 августа Кишиневцы захватываютъ знамя австрійскаго полка.



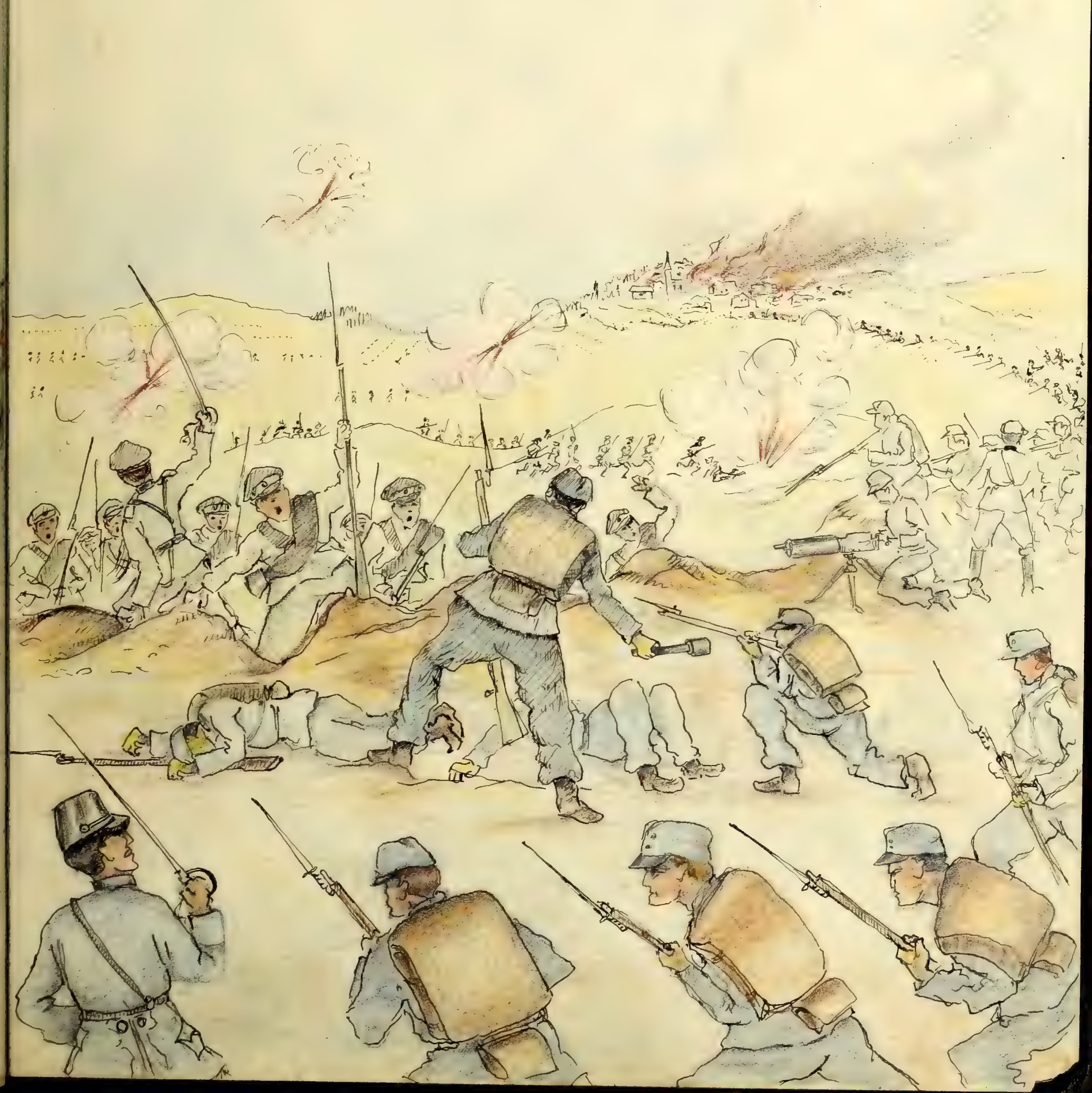


<u>Телефонограмма</u>. — „Стародубовскіе дра-
-гуны, въ пѣшемъ строю, и затѣмъ Азовцы,
атаковали лѣсной участокъ позиціи про-
-тивника у д. Ферлюсевъ. Они понесли боль-
-шія потери и не могутъ продвинуться
впередъ. Необходима поддержка" —
18 – VIII – 14.



На выручку Азовцевъ были, изъ походной колонны, двинуты Евпаторійцы.

Краинцы въ теченіи дня и ночи ведутъ непре-
-рывныя атаки у Рогатина (ключъ позиціи).




VIII армія /ген. Брусиловъ/ у Львова.



Боевыя части, преслѣдуя противника, 21 августа проходятъ черезъ сдавшiйся Львовъ /Марiинская пл. и памятникъ Адаму Мицкевичу/.

Львовъ. На бульваръ Яна Собъскаго.



— „Пане пулковнику, мы ваши!" —

Еврейское население, напуганное австрійскими властями о „звѣрствахъ" русскихъ, проявило полную растерянность. Въ окнахъ домовъ они выставляли православныя иконы и свѣчи, а появленіе всякаго русскаго вызывало панику.



Со взятіемъ Львова начался второй періодъ Великой Галиційской Битвы, болѣе тяжелый нежели первый.

Австрійскимъ Командованіемъ былъ отданъ приказъ: взять Львовъ въ три дня обратно. Но духъ противника уже былъ надломленъ и несмотря на рядъ отчаянныхъ и доблестныхъ попытокъ /пятидневный, непрерывный бой у с. Страдчъ, исключительные по своей жестокости бои у „Терпентиннаго завода" и др./, австрійцы дрогнули и въ первыхъ числахъ сентября обнаружился ихъ отходъ по всей линіи.

Отходъ, сначала планомѣрный, вскорѣ обратился въ паническое бѣгство. Бросались оружіе, снаряженіе и тысячныя массы солдатъ, безъ сопротивленія, сдавались въ плѣнъ.

Армія генерала Данкля могла считаться уничтоженной. Ея остатки, успѣвшіе достигнуть Перемышля, укрылись за крѣпостными фортами, перегрузивъ собою ихъ гарнизонъ, внеся разложеніе и деморализацію и этимъ, отчасти, предрѣшивъ сдачу крѣпости /10 марта 1915/.

Но и побѣдительница, Русская Армія, вышла изъ битвы обезкровленной. Люди какъ бы постарѣли сразу на нѣсколько лѣтъ. Въ психикѣ у многихъ произошелъ переломъ и зачастую еще вчерашніе кадеты сегодня выглядѣли стариками.

Армія нуждалась въ отдыхѣ. Но въ сентябрѣ же она была направлена въ Карпаты, куда и двинулась безъ горной артилеріи, безъ обозовъ и безъ санитарныхъ средствъ. Этимъ начался безпримѣрный „Зимній переходъ черезъ Карпаты". Тѣсня передъ собою двѣ арміи, армія генерала Брусилова спустилась въ венгерскую равнину и „донскіе кони пили воду Тиссы".

Апухтинъ.

Изъ поэмы „Годъ въ монастырѣ."

— „Она была твоя"—, шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья,
Теперь онъ замолчалъ, но эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь — „Она была твоя"..—
Какъ листья тополей, въ сіяньи серебристомъ,
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно...
О немъ мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды ворвавшійся въ окно...
И некуда бѣжать!.. И мучитъ ночь нѣмая
Рисуя милыя, знакомыя черты...
О, незабвенная!.. О, вѣчно дорогая!
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ - гдѣ же ты!..
Вотъ видишь - безъ тебя мнѣ жить невыносимо,
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ,
Обиды, горе, зло - я все забылъ, простилъ,
Одна любовь во мнѣ горитъ неугасимо.
Откликнись, отзовись! Явись хоть на мгновенье!
Дай подышать съ тобой мнѣ воздухомъ однимъ,
А тамъ опять хоть годы заточенья
Съ могильнымъ холодомъ своимъ!

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ.

Послѣ-пушкинскій періодъ русской литературы нашелъ продолжателей чистой лирики въ лицѣ такихъ поэтовъ какъ Майковъ, Полонскій, Фетъ, Плещеевъ, К.Р... Къ нимъ же, по чистотѣ языка, его образности и звучности стиха относится и Апухтинъ. Но въ своей поэзіи онъ не остался въ области лишь „звуковъ чистыхъ и молитвъ", а въ свои стихотворенія внесъ самыя обыкновенныя, человѣческія страсти и, главнымъ образомъ, всепоглощающую любовь во всей силѣ и красотѣ ея проявленій.
Его стихи почти всѣ переложены на музыку и вошли въ составъ такъ называемаго „цыганскаго жанра". Ихъ знала вся Россія.
Къ сожалѣнію имя автора было извѣстно не всегда. Съ молодости страдая тяжелой болѣзнью, Апухтинъ почти не бывалъ въ обществѣ. Его болѣзнь выражалась въ чрезвычайной тучности тѣла почему онъ не могъ покидать комнаты. Одна дѣвочка, при видѣ его, испуганно спросила мать: - „Мама, это нарочно?" -
Но, въ отличіе отъ Надсона, Апухтинъ рѣшительно отдѣлялъ свои стихи отъ своего недуга, до конца оставаясь въ поэзіи свѣтлымъ и радостнымъ жрецомъ Аполлона.
На его могилѣ, въ Петербургѣ, сдѣлана надпись изъ его же стихотворенія:

- „Вѣчный покой отстрадавшему много томительныхъ лѣтъ,
Пусть осіяетъ раба Твоего нескончаемый свѣтъ." -

(Апухтинъ „Реквіемъ")

Изъ „Годъ въ монастырѣ".

...Сегодня ризничiй нашъ Варлаамъ
Читалъ намъ проповѣдь объ адѣ.
Подробно, радостно, какъ будто видѣлъ самъ,
Разсказывалъ что дѣлается тамъ...



...Увы, меня открыли!.. Пишетъ братъ,
Что всюду о моемъ побѣгѣ говорятъ,
Что всѣ смѣются до упаду,
Что басней города я сталъ къ стыду друзей,
И проситъ прекратить скорѣй
Мою, какъ говоритъ онъ, – эскападу...

— …Труды говѣнія я твердо перенесъ, —
Господь послалъ мнѣ много чистыхъ, теплыхъ слезъ
И покаянья искреннее слово.
Но нынѣ, въ день Причастія святого,
Когда я съ братьей шелъ въ соборъ,
Передо мною женщина входила…
Она!… Вся кровь во мнѣ застыла!… —

Апухтинъ.

Изъ стих. „Письмо"

— „Увидя почеркъ мой вы вѣрно удивитесь:
Я не писала вамъ давно.
Я думаю - вамъ это все равно.
Тамъ гдѣ живете вы (и значитъ веселитесь),
Въ далекой южной сторонѣ,
Вы можетъ быть забыли обо мнѣ.
И я забыть была готова,
Но встрѣча странная и вотъ
Съ глубокой силою изъ сумрака былого
Передо мной вашъ образъ возстаетъ...
Сегодня, проѣзжая мимо,
Къ N. N. случайно я зашла,
Съ княгиней, вами нѣкогда любимой,
Я встрѣтилась у чайнаго стола.
Насъ познакомили...

